

6. Библiотека Императорскаго
Восточнаго Департамента.

ДВѢНАДЦАТЬ
СНЯЩИХЪ ДѢВЪ,
СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ,
СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГРОМОВОЙ.

Leicht aufzuritzen ist das Reich der Geister!

Sie liegen wartend unter dünner Decke

Und, leise hörend, stürmen sie herauf!

Schiller.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВНЪ
ВОЕЙКОВОЙ.

Моихъ стиховъ желала ты —
Желанье исполняю!
Тебѣ досугъ мой и мечны
И лиру посвящаю!
Вошь повѣсь прадѣдовскихъ лѣтъ!
Ещежъ — одно желанье:
Цвѣщи, мой несравненный цвѣщъ,
Сердечъ очарованье!
Печаль по слуху шолько знай!
Будь радостию сеѣща!
Моихъ стиховъ хошь нечищай,
Но другомъ будь поэща!

Puo. C. Gaccongo.

Spas. H. Lockin.

Д.В.НАДПИСЬ СЯВУХЪ Д.В.В.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ

1817.

ДВѢНАДЦАТЬ
СПЯЩИХЪ ДѢВЪ,
СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

сочиненіе

ВАСИЛІЯ ЖУКОВСКАГО.

Das Wunder ist des Glaubens liebstes Kind.
Gothe.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Медицинской типографіи.
1817.

BIBLIOTH.
ACADEM:
DORPAT:

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Санктшпешербургъ, Юля 4 дня 1817 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Каз. Ив. Тимковскій.

4-XIV A

8680

4419304K

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!

Опять съ толпой знакомыхъ привиденій
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей!

Приди, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній!
Минувшю мнѣ жизнью новѣй!

Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкаго вкусишь воспомнанья!

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала —

И много милыхъ тѣней воспоминаешь!

И то, чѣмъ жизнь споль нѣкогда плѣняла,

Чѣмъ Рокъ, опиявъ, назадъ не опадаетъ,

То все опять душа моя узнала!

Проснулась Скорбь, и Жалоба зовешь

Сопутниковъ, съ пупи сошедшихъ прежде,

И здѣсь вопще повѣрившихъ надеждѣ!

Къ нимъ недойдуть послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣявъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣпяишь ихъ проспершыя къ нимъ руки:
Прекрасный сонъ ихъ жизни улещѣлъ!
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливы край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра —
Не имъ поеть задумчивая лира!

И снова въ томномъ сердцѣ возникаетъ
Спремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ
Все близкое мнѣ зрится опдаленнымъ,
Цогнбшее опять одушевленнымъ.

ГРОМОБОЙ.

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ-рѣкой,
Надъ спрашною степиною,
Въ глухую полночь, Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной;
Окрестъ его дремучій боръ;
Унесы подъ ногами;
Туманень видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернуть мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ пѣснь лѣсъ,
И волкъ во мракъ рыщетъ.

■

Сидишь съ поникшею главою,
И думаешь онъ думу:
„Печальный, горькій жребій мой!
Клянусь судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелей несъ!
Всѣмъ людямъ жизнь опрада:
Тѣмъ злобо, шѣмъ покой и чesъ —
А мнѣ сума награда!
Нѣтъ крова защитишь главу,
Отъ бури, непогоды!
Успаль я! въ помощь васъ зову,
Днѣпровски быспры воды!“

Господь онъ правушь съ крупизны!
И вдругъ . . . предъ нимъ явленье!
Изъ шемной бора глубины
Выходишь привидѣнье:
Старикъ съ щепинистой брадой,
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнушый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когшми, рогами.
Идетъ, приблизился, грозить
Клюкою Громобою . . .
И шопъ, какъ вкопанный, споишь,
Зря диво предъ собою

— Куда? невѣдомый спросилъ. —
 „Въ водахъ скончашъ мученья!“
 — Почтожъ, безсмысленный, забылъ
 Во мнѣ искашь спасенья? —
 „Кто ты? воскликнулъ Громобой,
 Онъ страха цѣпенѣя.“
 — Заслупникъ, другъ, спасишель швой!
 Ты видишь Асмодея! —
 „Творецъ небесный!“ — Удержись!
 Въ молишвѣ нѣтъ оспрады!
 Забудь о Богѣ — мнѣ молись!
 Мои вѣрныя награды!

— Прими опъ дружбы, Громобой,
 Полезное ученье:
 Постигнушъ ты судьбы рукой,
 И жизнь тебѣ мученье!
 Но всѣмъ бѣдамъ найши конецъ
 Я способы имѣю!
 Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ —
 Прибѣгни къ Асмодею.
 Могу тебѣ я силу дать,
 И честь и много злапа,
 И грудью буду я спояшь
 За друга ж за брата!

— Клянусь! (свидѣтель адскій богъ,
 Чшо клянвы не нарушу!)
 А ты, мой другъ, за шо въ залогъ
 Свою отдай мнѣ душу! —
 Невольно вздрогнуль Громобой,
 По членамъ хладъ стремился!
 Земли не взвидѣлъ подь собой,
 Нѣпъ силъ перекрестился!
 — — Почтожъ задумался, глупецъ?
 „Спрашусь мученій ада!“
 — Но раноль, поздноль . . . . наконецъ
 Все адъ швоя награда!

— Тебѣ на свѣшѣ жинь — бѣда!
 Покинушь свѣшъ — другая!
 Останься здѣсь — поди шуда —
 Вездѣ погибель злая!
 Ханжи-причудничи швердятъ:
 Лукавый бѣсъ опасень!
 Не вѣрь имъ — бредни! весель адъ!
 Лишь въ сказкахъ онъ ужасень!
 Мы жизнь пріятную ведемъ!
 Нашъ адъ не хуже рая!
 Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
 Лишь въ адѣ жизнь прямая!

— Тебѣ я перемъ пышный дамъ,
 И пму людей на службу!
 Къ боярамъ, виписямъ, князьямъ
 Тебя введу я въ дружбу!
 Досель красавицъ пы пугаль —
 Придушъ къ тебѣ толпою!
 И словомъ — вздумаль, загадаль,
 И все передъ шобою!
 И вошь въ задашокъ кошелёкъ:
 Въ немъ вѣчно будеть злато!
 Но десять лѣтъ — не болѣ — срокъ
 Тебѣ шакъ жишь богашо!

— Когдажъ послѣдній день отъ гдаза
 Исчезнетъ за горою;
 Въ послѣдній полуночный часъ
 Приду я за шобою! —
 Сшаль думу думать Громобой;
 Подумаль — согласился,
 И обольстителью душой
 За злато поклонился.
 Разрѣзавъ руку, написалъ
 Онъ кровью обѣщанье,
 Лукавый принялъ — и пропалъ,
 Сказавши: до свиданья!

И вышелъ въ люди Громобой —
 Откуда чпо взялося!
 И счастье на него рѣкой
 Съ богатствомъ полилося!
 Какъ княжескій, разубранъ домъ;
 Подвалы полны лапа;
 Съ заморскимъ выходы виномъ;
 И рѣдкостей лапша;
 Пирь — хощь посщь, хощь мясоѣдъ;
 Музыка роговая;
 Для всѣхъ — чужихъ, своихъ — обѣдъ,
 И чаша круговая.

Возможно все въ его очахъ,
 Всему онъ повелишель:
 И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
 И хищникъ и грабишель!
 Двѣнадцать дѣвъ похитиль онъ
 Изъ опческой ихъ сѣни;
 Презрѣлъ невинныхъ жалкій спонъ
 И родственниковъ пени;
 И въ годъ двѣнадцать дочерей
 Имѣлъ опъ оболъщенныхъ;
 И былъ онъ чуждъ своихъ дѣшей
 И крови узъ священныхъ.

Но чадъ оставленныхъ щипомъ
 Быль Ангель ихъ хранитель:
 Онъ далъ имъ пристань — Божій домъ,
 Смиренія обитель!
 Въ священныхъ спѣнахъ монастыря
 Сокрылъ ихъ съ машерами:
 Да славяшъ Вышняго Царя
 Невинныхъ уснѣ мольбами!
 И горней благодаши сѣнь
 Была надъ ихъ главою!
 Какъ вещный ароматный дѣнь,
 Цвѣди онъ красною!

Ошъ раннихъ колыбельныхъ лѣтъ
 До юности зланыя
 Имъ вѣдомъ былъ лишь Божій свѣтъ,
 Лишь подвиги благія.
 Ошъ сна вспавая съ юнымъ днемъ,
 Спекаяся во храмъ;
 На клиросъ, предъ алтаремъ,
 Кадильницъ въ еиміамъ,
 Въ священный литургіи часъ,
 Ихъ слышалось пѣнье —
 И сладкій непорочныхъ гласъ
 Внимало Провидѣнье!

И слезы вѣжныхъ матерей
 Съ молитвой ихъ сливались,
 Когда во храмъ близъ мощей
 Онѣ разпростирались.
 „О! дай имъ кровь, Небесный Царь!
 (То было ихъ моление)
 Да будетъ Твой священный алтарь
 Незлобныхъ душъ спасенье!
 Покинулъ ихъ родной отецъ,
 Давъ бѣднымъ жизнь посыла;
 Но призри Ты сиротъ, Творецъ,
 И грѣшника помилуй!“ ...

Но вопль .... насталъ десятиый годъ!
 Уже онъ на исходѣ!
 И грѣшникъ горьки слезы льётъ:
 Всему онъ чуждъ въ природѣ!
 Опять украшены весной
 Луга, пригорки, доли!
 И пахарь весель надъ сохой,
 И счастья полны сѣлы!
 Не зрять лишь онъ злапой весны:
 Его померкли взоры;
 Въ шуманъ для нихъ погребень
 Луга, долины, горы.

Денница красная взоидеть —

„Проси, гласить, денница!“

Въ дубравѣхъ птичка пропоеть —

„Проси, весны пѣвица!...“

Проси, и мирные лѣса,

И нивы золотыя,

И неба свѣтлая краса,

И радости земныя!“

И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ,

Къ себѣ ихъ призываетъ;

И мыслитъ: онъ Творца смягчаетъ!

Невиннымъ Богъ внимаетъ!

И вотъ .... настала послѣдній день!

Ужъ солнце за горою;

И спеленся вечерня тишь

Прозрачной пеленою;

Ужъ сумракъ .... смерклось .... вотъ луна

Блеснула изъ-за тучи;

Легла на горы тишина;

Утихъ и лѣсъ дремучій;

Рѣка сравнялась въ берегахъ;

Зажглись свѣтила ночи;

И сонъ глубокий на поляхъ;

И близко часъ полночи!...

И, мучимъ смертною поской,
 У Спасовой Иконы
 Безъ вѣры ищешь Громобой
 Ошъ ада обороны!
 И юныхъ чадъ къ себѣ призывалъ:
 Сердца ихъ близки раю!
 „Увы! молишься! (вопіялъ)
 Молишься! погибаю!“
 Младенца вишенъ небу спонь:
 Невинныя молились!
 Но вдругъ....на нихъ находить сонъ...
 Замокли....усыпились!

И все въ ужасной тишинѣ!
 Окресинось какъ могила!
 Вошь....каркнулъ воронъ на спѣнѣ!
 Вошь....спая псовъ завыва!
 И вдругъ...протяжно полночь бьешь!
 Нашли на небо шучи;
 Рѣка надулась; боръ реветъ;
 И мчится прахъ лепучій!
 Увы!... послѣдній спрашный бой
 Огтрауль за горами....
 Гуль тише....смолкь....и Громобой
 Зришь бѣса предъ очами!

— Ты видѣлъ, рекъ онъ, день изъ глазъ —

Сокрылся за горою!

Ты слышалъ: биль послѣдній часъ!

Пришелъ я за побойю! —

„О! дай, молю, хоть малый срокъ!

Терзаюсь! адъ ужасенъ!“

— Свершилось! неизбеженъ рокъ!

И поздній вопль напрасенъ! —

„Минушу!“ — Слышишь? Цѣль звучишь! —

„О страшный часъ! помилуй!“

— И гробъ готовъ, и саванъ сщишь,

И роюшь ужъ могилу!

— Заупра день взойдетъ во мглѣ!

Подымушся стenanья!

Увидяшь шрупъ швой на сполѣ,

Недвижный, безъ дыханья!

Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,

При шихомъ ликовъ пѣнѣ,

Тебя запрутъ въ подземный домъ

На вѣки въ започенье!

И страшно заснутъ заснучишь

Надъ кровлей гробовою!

И шихо клиръ провозгласишь:

Усопшій, миръ съ побойю!

— И миръ не будетъ твоей удѣлъ:
 Ты адово сплужанье!
 Но время!... идушь!... часъ приспѣлъ!
 Внимай ихъ завыванье!
 Стеклись! призывный слышу кличъ!
 Ихъ челюсти зіяють!
 Смола клокочетъ свещи бить!
 Оковы разжигаютъ! —
 „Спасишъ-Царь! вонми слезамъ!“
 — Опринуто моленье! —
 „Увы! позволь хоть сиротамъ
 Миѣ дать благословенье!“

Младенцевъ спящихъ видишь бѣсъ —
 Сверкнули спрашно очи!
 — Лишишь ихъ царствія небесъ!
 Предашь геенской ночи!
 Вопль слава! мнѣ возплещетъ адъ
 И съ гордымъ Сашаною! —
 И усмиривъ грозящій взглядъ,
 Въщаль онъ Громобою:
 — Я вялъ твоей печали гласъ!
 Есть средство избавленья!
 Покорень будь, иль въ адъ сей часъ
 На скорби и мученья!

— Предай мнѣ души дочерей
 За временну свободу,
 И дамъ, по милости своей,
 На каждую по году! —
 „Злодѣй! губишь невинныхъ чадъ!“
 — Ты медлишь! приступише!
 Низринише грѣшника во адъ!
 На часѣхъ развлеките! —
 И вдругъ ошесюду крикъ и спонъ;
 Земля запрепепала;
 И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
 И пѣма бѣсовъ предспала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ!
 Бѣгутъ, гремятъ дѣлами,
 И спали грѣшника кругомъ
 Съ разверзтыми когтями!
 И ницъ повергся Громобой,
 Безчувственъ, полумертвый;
 И вопиъ: „спрашный врагъ, поспой!
 Поспой! гошovy жертвы!“
 И скрылись всѣ. Онъ будишь чадъ....
 Онъ пишетъ ихъ рукою....
 О спрахъ! свершилось! плещетъ адъ
 И съ гордымъ Сашаномъ!

Ты казнь отсрочилъ, Громобой,
 И дверь сомкнулась ада!
 Но живи, погибнувши душой —
 Коль спрашная опрада!
 Влачи унылы дни, злодѣй,
 Въ болѣзни ожиданья!
 Веселья нѣтъ душѣ твоей!
 И нѣтъ ей упованья!
 Увы! и красивый Божій міръ,
 И жизнь ему послылы!
 Онъ въ людспивѣ дикъ, въ семейспивѣ сиръ;
 Онъ въ живѣ снѣдѣ могилы.

Напрасно вѣешь вѣтерокъ
 Съ душистыя долины;
 И свѣтъ луны сребритъ пошокъ
 Сквозь темныя лишь вершины;
 И ласпочка зари восходъ
 Вспрѣчаешь щебепаньемъ;
 И роща въ шѣнь свою зовешь
 Лиспчочковъ трепетаньемъ;
 И шумъ бѣгущихъ съ поля спадъ
 Съ паспущьими рогами
 Вечерній мракъ живошворяшь,
 Теряясь за холмами!

Его досель свѣтлый домъ
 Ужь сумрака обилель!
 Угрюмъ, съ нахмуреннымъ лицомъ
 Пировъ веселыхъ зришель,
 Не пьешь кипящаго вина
 Изъ чаши круговья!...
 И спрашенъ день; и ночь спрашна;
 И пѣни гробовыя
 Онъ всюду слышишь грозный вой;
 И въ часъ глубокой ночи
 Бѣжишь одра его покой;
 И сонъ забыли очи.

И шмы лѣсовъ спрашился онъ:
 Тамъ бродить привидѣнье!
 То чудился полночный звонъ,
 То погребально пѣнье!
 Спрашиваю его и бури свистъ,
 И грозныхъ шучь молчанье,
 И съ шорохомъ падающій лисъ,
 И рощи содроганье!
 Прокашисья по небу громъ —
 Блѣднѣешь! дыбомъ волосъ!
 „То испилъ, посланъ Божеслвомъ!
 То казни спрашний голосъ!“

И видъ прелестный юныхъ чадъ
 Ему не наслажденье!
 Ихъ милый, чувствва полный взглядъ,
 Спокойствіе, смиренье,
 Краса-веселіе очей,
 И гласа нѣжны звуки,
 И сладость ласковыхъ рѣчей
 Его сугубяшъ муки.
 Какъ роза-благонный цвѣтъъ
 Подъ сѣнію надежной,
 Онъ цвѣтушъ: имъ скорби нѣтъъ;
 Ихъ сердце безмятежно!

А онъ!... преступникъ!... онъ, въ шокѣ
 На нихъ подьема очи,
 Ошверзну видишъ въ далекѣ
 Пучину адской ночи.
 Онъ плачешъ! онъ судьбу клянешъ!
 „О милыя пворенья!
 Какой васъ люный жребій ждешъ!
 И гдѣ искашъ спасенья?
 Напрасно вамъ дана краса!
 Напрасно сердцу милы!
 Закрыишъ вамъ путь на небеса!
 Цвѣшете для могилы!

„Увы! пора любви придетъ:

Вамъ сердце тайну скажетъ,

Для васъ украситъ Божій свѣтъ,

Вамъ милаго покажетъ!

И взоръ наполнился поской,

И тихимъ грудь желаньемъ,

И, распаленная душой,

Влекумы ожиданьемъ,

Для васъ взойдетъ краснѣе день,

И будетъ лугъ душистѣй,

И сладостнѣй дубравы шѣнь,

И птичка голосистѣй!

„И дни блаженства не придутъ!

Спрашишесь милой встрѣчи!

Для васъ не брачныя зажгутъ,

Но погребальны свѣчи!

Не въ Божій, гимновъ полный, храмъ

Пойдете съ женихами....

Ужасный гробъ готворятъ намъ!

Прокляты небесами!

И нашъ удѣлъ: поскоа и спонъ

Въ обшеляхъ геены!

О грозный жребія законъ!

О жершвы драгоцѣнны!“...

Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ

Въ душевномъ сокрушеньѣ,

И мнишь: самъ Богъ вѣщаетъ намъ:

Вѣ раскаянъи спасенъе!

Возносясь предъ Вышній пронъ

Преступниковъ спенанъя!“...

И домъ свой обращаетъ онъ

Въ обитель покаянъя:

Да спранникъ шамъ найдетъ покой,

Вдова и сирый друга,

Голодный сладку снѣдъ, больной

Спасенъе ошъ недуга.

Съ утра до ночи у воротъ

Служителъ на спорожѣ;

Онъ всѣхъ прохожихъ въ домъ зовѣтъ:

„Есть хлѣбъ-соль, мягко ложе!“

И вопъ уже изъ всѣхъ краѣвъ,

Влекомыя молвою,

Идутъ толны сиротъ и вдовъ

И нищихъ къ Громобою.

И всѣхъ пріемлетъ Громобой;

Всѣмъ данъ его гошова;

Онъ щедрой злато льетъ рукой

Ошъ имени Христова.

И Божій онъ воздвигнуль домъ;

Подобье свѣшла раа,

Обишеть иноковъ при нёмъ

Являеися свяшая;

И въ шой обишеля свяшой,

Ошъ браніи смиренной

Увѣчный, дряхлый, и больной,

И скорбью убіенной

Пріемлють, именемъ Творца,

Отраду, исцѣленье:

Да воскрешаемы сердца

Узнають Провидѣнье.

И славный мастеръ призванъ былъ

Изъ города чужаго

Онъ въ храмъ ликъ изобразилъ

Угодника свяшаго;

На шой Иконъ Громобой

Былъ видимъ съ дочерями,

И на молящихся Свяшой

Взиралъ любви очами.

И день и ночь огонь пылалъ

Предъ образомъ въ лампадѣ;

Въ златомъ вѣнцѣ алмазь сіялъ,

И перлы на окладѣ.

И въ часъ, когда рѣдѣетъ тѣнь,
 Еще дубрава дремлетъ,
 И воцаряющійся день
 Полю-неба лишь объемлетъ,
 И въ часъ вечерней тишины —
 Когда вездѣ молчанье,
 И свѣчи, въ храмѣ возжены,
 Лбуютъ тихое сіянье —
 Въ слезахъ раскаянья, съ мольбой,
 Предъ образомъ смиренно
 Распросширался Громобой,
 Веригой опягченной....

Но быстро, быстро съ горъ текутъ
 Въ долину вешни воды —
 И невозвратные бѣгутъ
 Дни, мѣсяцы и годы!
 Ужь время съ годомъ десятъ лѣтъ
 Невидимо умчало;
 Послѣдняго двухъ прршей нѣтъ —
 И будто не бывало!
 И нѣкій неопстунный гласъ
 Выщаетъ Громобою:
 Всему конецъ! швой близокъ часъ!
 Погибель надъ тобою!

И вопль... недугъ низринуть злой
     Его на одръ мученья!
 Расперзанъ лютою рукой,
     Не чая исцѣленья,
 Всечасно предъ собой онъ зришь
     Опверзту дверь могилы;
 И у возглавiя сидишь
     Надъ нимъ призракъ унылый;
 И нѣшь ужъ силъ ходишь во храмъ
     Къ Иконѣ чудотворной —
 Лишь взоръ онъ мещетъ къ небесамъ,
     Молящій, но покорной!

Увы! ужъ и послѣднiй день
     Край неба озлащаетъ;
 Сквозь темную дубравы сѣнь
     Блiстанье проникаетъ;
 Все тихо, весело, свѣкло!
     Все нѣгой сладкой дышетъ!
 Рѣка прозрачна, какъ стекло;
     Едва, едва колышетъ
 Листами легкiй вѣтерокъ;
     Въ поляхъ благоуханье:
 Къ цвѣтку прилипнулъ мотыльокъ
     И пьетъ его дыханье.

Но грѣшникъ сей въспрѣчаетъ день
 Со стономъ и слезами!
 „О рано ты, ночная тѣнь,
 Разсталась съ небесами!
 Спекипесь, дѣши! одръ ошца
 Съ молишвой окружише!
 И предъ судилище Творца
 Стенанія пошлише!
 Ужасень намъ сей ночи мракъ!
 Взывайте: Искушитель!
 Смягчи грозящій гнѣва зракъ!
 Не будь намъ снрогій Мспитель!“

И страшнаго одра кругомъ —
 Гдѣ блѣдень, изможденный,
 Съ обезображеннымъ челомъ,
 Всѣ кости обнаженны,
 Брада до чреслъ, власы горой,
 Взоръ дикій, впалы очи,
 Вопиль ошъ муки Громобой
 Съ ушра до поздней ночи —
 Спеклися дѣвы, ясный взоръ
 На небо устремили,
 И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
 Сердца совокупилъ.

О видъ, угодный небесамъ!

Такъ Ангелы спасенья,

Вонми раскаянья слезамъ,

Съ улыбкой примиренья,

Въ очахъ отрада и покой,

Отъ горяго чертога

Нисходятъ съ милостью святой,

Предшественники Бога,

Къ одру болѣзни въ смертный часъ....

И упомень оправданьемъ,

Сынъ гроба слышитъ тихій гласъ:

Ошуди съ упованьемъ!

И дѣвы, чистыя душой,

Подъемля къ небу руки,

Смиреной мыслили мольбой

Ошца спокоить муки;

Но ужась близкаго конца

Надъ нимъ уже носился;

Языкъ коснѣющій Творца

Еще молить спремился;

Тоскуя, взоромъ онъ искалъ

Сіянія денницы....

Но взоръ недвижный угасалъ,

Смыкалися зѣницы!

„О дѣти! дѣти! гаснетъ день!“

— Нѣтъ! утро! лишь проснулась

Заря на холмѣ; черна тѣнь

По долу протянулась;

И нивы пусты.... въ высотѣ

Лишь жаворонокъ вьется! —

„Увы! заупра въ красотѣ

Опять сей день проснешся!

Но мы..... ужь скрылись опъ земли!

Уже насъ гробъ сѣдаешь!

И мѣсто, гдѣ поднесъ цвѣли,

Насъ болѣ не признаешь!

„Несчастныя! дерзнулъ на васъ

Изрѣчь благословенье?

И въ самой вѣчности для насъ

Погибло примиренье!

Но не сопустивуйте опцу

Съ проклятіемъ въ могилу!

Молитесь! воззовемъ къ Творцу:

Разгнѣванный! помилуй!“

И дѣвы, спрашныхъ сихъ рѣчей

Не всю объемля силу,

Съ невинной ясностью очей

Воскликнули: помилуй!

„О дѣши! дѣши, почь близка!“
 — Лишь полдень наспунаешь;
 Паспухъ у водъ для холодка
 Со спадомъ ошдыхаешь;
 Молчанъ поля, въ долинь сонъ;
 Пылаешь небо знойно! —
 „Мнѣ чудится надгробный спонъ!“
 — Все тихо и спокойно!
 Лишь свѣжій вѣтерокъ, порой
 Подъемаясь съ поля, дуешь;
 Лишь горлица въ глуши лѣсной
 Повременно воркуешь! —

„О дѣши! свѣплый день утасъ!“
 — Ужь солнце за горою;
 Ужь по закапу разлилась
 Багряною спруёю
 Заря, и съ пламенныхъ небесъ
 Спокойный вечеръ сходитъ;
 На заревъ чернѣетъ лѣсъ,
 Въ долинь сумракъ бродитъ! —
 „О вечеръ сумрачный, постпой!
 Помедли, день прелестной!
 Помедли! взоръ не узришь мой
 Тебя ужъ въ поднебесной!...“

„О дѣпи! дѣпи, ночь близка!“

— Заря ужь догорѣла;

Въ шуманъ одѣлася рѣка;

Окресниось поблѣднѣла;

И на распутии пыляшь

Спада, спѣша къ селенью! —

„Спасише! полночь бѣесть!“ — Звоняшь

Въ обителѣ къ моленью!

Ошцы поюшь хвалебный гласъ!

Огнями храмъ блискаетъ! —

При нихъ и грѣшникъ въ спрашанный часъ

Къ тебѣ, Творецъ, вызываетъ!...

„Не шмигсяль, дѣпи, неба сводъ?

Не мтапсяль черны шучи?

Не вздуль ли вихоръ бурныхъ водъ?

Не въетсяль прахъ лешучій?“

— Все тихо! ....служба отошла;

Обитель засыпаетъ;

Луна полнеба прошекла;

И Божій храмъ сіяетъ

Одинъ съ холма въ окресниой мглѣ,

Луга, поля, безмолвны;

Огни пошухнули въ селѣ;

И рошчѣ спятъ и волны! —

И всюду тишина была!....

И вся природа, инилось,
Предустрасренная, ждала,
Чтобъ чудо совершилось!...

И вдругъ.... какъ будто въперокъ

Повѣяль ошъ востока,
Чушь пронуль дремлющій листокъ,
Чушь пронуль зыбъ потока....

И нѣкій гласъ промчался съ нимъ....

Какъ будто надъ звѣздами

Коснулся арфы Серафимъ

Эфирными персами.

И пиho, пиho Божій храмъ

Отверзся.... неизвѣспной

Лвился спарець дѣвъ очамъ!

И ликъ красы небесной,

И крошечь благоспныхъ очей

Рождали упованье,

Одѣянь ризою лучей,

Окреснь главы сіянье,

Ошъ не касался до земли

Въ воздушномъ приближеньѣ....

Предъ нимъ незримыя шекли

Надежда и Спасенье!

Сердца ихъ ужась обуля....

„Кто сей, во славу зримый?“

Но близъ одра уже сполля

Пришлецъ неизъяснимый!

И къ двамъ прикоснулся онъ

Воскриемъ одѣжды:

И тихій во мгновенье сонъ

На ихъ простерся въжды!

На искаженный синарца ликъ

Онъ кивнулъ взглядъ укора:

И препенъ въ грѣшника проникъ

Опъ пламениаго взора!

„О! кто ты, грозный сынъ небесъ?

Твой взоръ мнѣ наказанье!“

Но спрашный спрогосшью очесъ

Пришлецъ хранишь молчанье...

„О дай, молю, пшвой слышать гласъ!

Одно надежды слово!

Грядетъ неопразимый часъ!

Собышше гопово!“

— Вы ликъ во храмъ чпили мой!

И въ шомъ изображеньѣ

Моя десница надъ побой

Просшерша во спасенье! —

„Ахъ! чтожь Могущій повелѣлъ?“

— Надѣйся и спрашися! —

„Увы! какой насъ ждешь удѣлъ?“

Чпо жребій ихъ?“ — Молися! —

И руки положивъ кресномъ

На грудь изнеможенну,

Предъ неизпытаннымъ Творцомъ

Молишву сокрушенну

Умолкшій проліялъ въ слезахъ;

И тяжко грудь дышала,

И въ призывающихъ очахъ

Вся скорбь души сіяла!.....

Вдругъ началъ пмипѣлся неба сводъ —

Мрачиѣ и мрачиѣ;

За тучей грозною ревѣнь

Другая въ слѣдъ грознѣ;

И спрашно сшиблѣсь надъ главою!

И небо заклубилось!

И вдругъ.... повсюду съ черной иглой

Молчанье воцарилось!

И близокъ часъ полночи былъ....

И ризою святою

Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,

Опсшудника десною.

И, усмирившись на востокъ,
 Горѣли спарца очи!...
 И вдругъ, сквозь сонъ и мракъ глубока,
 Въ пучинѣ черной ночи,
 Завылъ пропѣжно въщій бой —
 Окрепилось съ нимъ завылъ!
 Вдругъ.... страшной молніи спруей
 Сводъ неба раздвоилъ!
 По тучамъ вихоръ пробѣжалъ!
 И съ сильнымъ грома прескомъ,
 Рвущей бурѣ, бѣсъ предспалъ,
 Одѣвъ адскимъ блескомъ!

И змѣи въ пламенныхъ власахъ —
 Клубясь, шипятъ и свистуны;
 И радость злобная въ очахъ —
 Кругомъ, сверкая, рыщутъ;
 И пляжкой цѣпью онъ гремѣлъ —
 Увлечъ добычу льстился;
 Но спарца грознаго узрѣлъ —
 Упикнулъ и смирился!
 И въ мигъ гордыни блескъ угасъ!
 И, смущенъ, вопрошаетъ:
 — Чшо, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
 Къ симъ падшимъ призываетъ? —

„Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой!“

— Они мое спяжанье! —

„Передъ Небеснымъ Судіей

Всесильно покаянье!“

— И часъ суда Его пришекъ!

Ихъ жребій совершися! —

„Еще ко Благосши не рекъ

Онъ въ гнѣвъ: удалися!“

— Онъ Правъ — и я владыка имъ! —

„Онъ Благъ — я ихъ хранишель!“

— Исчезни! адъ неопразимъ! —

„Опвѣшшуй, Искушитель!“

И громъ съ востока полетѣлъ!

И бездну шучь при-крашъ

Разсѣкъ браздами ярыхъ спирѣль

Перунъ огнекрылашый!

И небо съ края въ край зажглось,

И возстенало въ страхъ!

И дрогнула земная ось!...

И, воющій во прахъ,

Творца грядуща слышишь бѣсъ!

И молился Хранишель!...

И спалъ на высотѣ небесъ

Средь молній Ангель-испишель!

„Гряду! и вѣчный Божій судъ
 Несеть моя десница!
 Миѣ Казнь и Благость предшескутъ!...
 Во прахъ, чадоубійца!“
 О всемогущесиво словесъ!
 Уже опступникъ плѣнъ!
 Пошухъ послѣдній свѣтъ очесъ;
 Въ косняхъ оцѣпенѣнъ;
 И ликъ кончиной искаженъ;
 И сердце охладѣло;
 И опъ сомкнувшихся уснешъ
 Дыханье оплелѣло!

„И праху обладашеть адъ!
 И гробу опроверженъ,
 Доколь на погубленныхъ чадъ
 Не снидешъ искупленъ!
 И чадамъ непробудный сонъ!
 И шонъ, кпо чистъ душою,
 Кпо, ихъ не зрѣвши, распалѣнъ
 „Одной изъ нихъ красою,
 Придешъ, жишнейское презрѣвъ,
 Въ забвенну ихъ обителъ:
 Еспъ обреченный спящихъ дѣвъ
 Опъ неба искупилъ!“

„И будушь спашь! и къ нимъ вѣка
 Въ полетѣ не коснушся;
 И пройдешь плавнія рука
 Ихъ мимо! И проснушся
 Съ неизмѣнившейся красой
 Для жизни обновленной;
 И низойдешь тогда покой
 Къ могила̃ искупленной;
 И будешь миръ въ его косняхъ;
 И претворенный въ радость,
 Творца постигнувъ въ небесахъ,
 Речешь: Господь есть Благость!.....

Ужъ вѣсникъ упря въ высотѣ!
 И слышенъ громкій пѣсель!
 И день въ воздушной красотѣ
 Лепишь, какъ радость свѣтлый..
 Узрѣли дѣвъ, объявляхъ сномъ,
 И спарца струи узрѣли!
 И мерзвый спрашенъ былъ лицомъ:
 Глаза, не зря, смотрѣли;
 Какъ будто спраждающе прижималъ
 Онъ къ хладнымъ персямъ руки,
 И на уснахъ его роишаль,
 Казалось, голосъ муки.

И спящихъ ликъ покоенъ былъ;
     Невидимо крылами
 Ихъ тихой Ангелъ облачилъ;
     И райскими мечтами
 Чудесный былъ исполненъ сонъ;
     И сладкимъ ихъ дыханьемъ
 Окресилъ былъ воздухъ растворенъ,
     Какъ розъ благоуханьемъ;
 И разцвѣтали ихъ уста
     Улыбкою прелестной,
 И ихъ являлась красота
     Въ спокойствіи небесной.

Но вотъ — ужъ гробъ одѣтъ парчой;
     Ошверзлася могила;
 И слышенъ колокола вой;
     И шепчущая кадила;
 Идутъ и старъ и младъ во храмъ;
     Подъемлется рыданье;
 Даютъ безчувственнымъ устамъ
     Последнее лобзанье;
 И гранулъ въ гробъ ужасный млатъ;
     И взялъ ужъ гробъ землю;
 И ликъ воспѣлъ: усонній бранъ,
     На вѣки миръ съ тобою!

И вопль — и старь и младъ пошли
     Обратно въ домъ печали;
 Но вдругъ предъ ними изъ земли
     Вкругъ дома грозно вспали
 Гранины спѣны — верьхъ зубчашъ,
     Бока одѣны лѣсомъ —
 И стрянувшись зашворы вращъ
     Задвинулись утесомъ.
 И вспянь погналь пришельцевъ страхъ!
     Бѣгутъ, не озираясь!
 „Небесный гнѣвъ на сихъ спѣнахъ!“
     Вѣщаюшь, содрогаясь. —

И спала та спрана съ пѣхъ поръ
     Добычей запуспѣнья;
 Поля покрыль дремучій боръ;
     Разсыпались селенья;
 И человѣчій гласъ умолкъ —
     Лишь филинь на утесѣ,
 И въ ночь осенню гладный волкъ
     Тамъ воюшь въ черномъ лѣсѣ;
 Лишь дико межъ сѣдыхъ береговъ,
     Спираема корнями
 Изрыпыхъ бурею дубовъ,
     Рѣка клубишь волнами.

Гдѣ древле окружала храмъ
 Опшельниковъ обшель
 Тамъ грозно свещень по свѣтамъ
 Змѣя, развалинь жинель;
 И гимнь по сводамъ не гремишь
 Лишь, вѣющій порою,
 Пустынный вѣтеръ шевелишь
 Въ развалинахъ правую;
 Лишь, опшоргаясь опъ спѣшь,
 Капаясь камни съ шумомъ,
 И гуль, на время пробуждены,
 Шумишь въ лѣсу угрюмомъ.

И на шуманисномъ холмѣ
 Могильный зришь камень;
 Надъ нимъ всегда въ полночной шмѣ
 Сіяешь блѣдный пламень.
 И крестъ поверженный обвишь
 Листами павилики:
 На немъ угрюмый врагъ сидишь,
 Могила спорожь дикій.
 И все, какъ мертвое, окрестъ:
 Ни листъ не шевелился,
 Ни звѣрь близъ сихъ не пройдешь мѣстъ,
 Ни пища не промчила,

Но полночь лишь сойдесть съ небесъ —
 Вранъ чёрный вспрепенешся,
 Зашепчетъ пробужденный лѣсъ,
 Могила попрыскается;
 И видится бродяца тѣнь
 Тогда въ пущынь ночи:
 Какъ блѣдный на жуанъ день
 Ея сіяють очи;
 То взоръ возводишь къ небесамъ,
 То съ видомъ тяжкой муки,
 Къ непроницаемымъ спѣнамъ
 Моля подъемлешь руки.

И въ нѣдрѣ непреступныхъ спѣвъ
 Молчаніе могилы;
 Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
 Съдѣесть лѣсъ унылый:
 Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листвахъ,
 Не слышно водъ журчанья,
 Ни благовонія въ цвѣтахъ,
 Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
 И дѣвы спятъ — ихъ сонъ глубокъ!
 И жребій искупленья,
 Безвѣстно, близокъ или далёкъ!
 И цѣшь имъ пробужденья!

Но въ часъ, когда поля заснушь,
 И мглой земля одѣша,
 (Между шоржесственныхъ минушь
 Полночи и разсвѣша)
 Одна изъ спящихъ возснѣешь
 И, спранныкъ одинокой,
 Свой срочный начинаешь ходъ
 Кругомъ стѣны высокой;
 И смотришь въ даль, и ждешь съ шоской...
 „Приди! приди, спасишь!“
 Но даль покрыва черной мглой;
 Нейдешь, нейдешь спасишь!

Когда жъ исполнится луна,
 Чреда приходишь смѣны:
 Въ урочный часъ пробуждена,
 Одна идетъ на стѣны,
 Другая къ ней со стѣны идетъ,
 Вспрѣчается, и руку,
 Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
 На долгую разлуку.
 Пошомъ къ почіющимъ сеспрамъ
 Задумчива, отходишь,
 А ша печально по стѣнамъ
 Одна до смѣны бродишь.

И скороль? Долголь? Какъ узнать?

Гдѣ вѣспникъ искупленья?

Гдѣ шопъ, кшо власень побѣждашь

Всѣ ковы обольщенья,

Къ прелестной прильплень мечшъ?

Кшо могъ бы, чисшъ душою,

Небесной вѣренъ красотъ,

Непобѣдимъ земною,

Все предспоящее презръшъ,

И съ вѣрою смиренной,

Надежды полонъ, въ даль лепшъ

Къ наградъ сокровенной?...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

В А Д И М Ъ.

Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand!
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland
Schiller.

ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЛУДОВУ.

Вошь повѣспи моей конецъ —

И другу посвященье!

Пѣвцу жь смиренному вѣнецъ

Будь дружбы одобренье!

Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;

Твой вкусъ былъ мнѣ учителемъ;

Въ моихъ запущанныхъ спихахъ,

Какъ тайный вождь-хранитель,

Онъ пушъ мнѣ къ цѣли проложилъ!

Но въ пользу ли услуга?

Не знаю! ... Дѣвъ я разбудилъ!

Неусыпиль бы друга!

В А Д И М Ъ.

Въ великомъ Новградѣ Вадимъ
Плѣнялъ всѣхъ красоюю
И дерзкимъ мужеснвомъ своимъ.
И сердца просилою.
Его ушѣха: по лѣсамъ
Скипашься за звѣрями;
Ужасный вепрямъ и волкамъ
Разящими спрѣлами,
Въ осенній хладъ и лѣшній зной
Онъ съ вѣрнымъ псомъ на ловлѣ;
Ему поспелей — мохъ лѣсной,
А сводъ небесный кровлей.

Уже двадцатая весна
 Вадимова наспала;
 И, чувства тайнаго полна,
 Душа въ немъ унывала:
 „Чего искашь, въ какихъ справахъ?
 Къ чему стремишь желанье?“
 Но все — и пишина въ лѣсахъ,
 И быстрыхъ водъ журчанье,
 И днѣ мѣняющійся видъ
 На облакъ небесномъ,
 Все, все Вадиму говоришь
 О чемъ-то неизвѣстномъ.

Однажды, ловлей уполенъ,
 Близъ Волхова на брегѣ
 Онъ погрузился въ легкій сонъ...
 Спруи въ свободномъ бѣгѣ
 Шумѣли, по корнямъ деревъ
 Съ плесканьемъ разливаясь;
 Душей весны былъ полонъ лѣсъ;
 Листочки, развиваясь,
 Дышали жизнью молодой;
 Все благозвонно было...
 И солнце съ шверды голубой
 Къ холмамъ ужъ низходило.

И къ утру видѣшь сонъ Вадимъ:
 Одѣянъ ризой бѣлой,
 Предспаль чудесный мужъ предъ нимъ —
 Во взоръ лучъ веселой,
 Ликъ важный свѣпелъ, спанъ высокъ,
 На сѣдинахъ блиспанье,
 Въ рукъ серебряный звонокъ,
 На персяхъ креспъ въ сіяньѣ.
 Онъ шель, какъ будшобы лешѣль,
 И, осѣнивъ персами,
 Благовѣспящими воззрѣлъ
 На юношу очамъ.

„Вадимъ! желанное вдали!
 Въръ небу! жди смиренно!
 Все измѣлеть на земли,
 А небо неизмѣнно!
 Спремись! я провожанный пивой!“
 Сказаль — и въ пожъ мгновеньѣ
 Въ дали явилось голубой
 Прелесное видѣнье:
 Младая дѣва, ликъ закрыпъ
 Завѣсою туманной,
 И на главѣ ея лежишь
 Вѣнокъ благоуханной.

Вдыхая жалобно, рукой
 Манило привидѣнье
 Ищи Вадима за собой...
 И юноша въ волненьѣ,
 Къ ней, сердцемъ вспыхнувъ, полетѣлъ!...
 Но вдругъ... призракъ сокрылся!
 Вдали звонокъ одинъ гремѣлъ,
 И блѣдный лучъ свѣтился.
 И вмѣстѣ съ дѣвою пропалъ
 Спарикъ въ одѣждѣ бѣлой!...
 Вадимъ проснулся — день сіялъ,
 А въ вышинѣ..... звѣнѣло.

Онъ смотритъ вдаль на свѣтлый югъ:
 Тамъ ясно все и чисто;
 Опшоль черезъ обширный лугъ
 Струею серебристой
 Капился Волховъ; небеса
 Сливались шамъ съ землёю;
 Туда за холмы, за лѣса
 Мчались облака полною
 Лесучій, вешній вѣтерокъ...
 Смятенный, въ ожиданьѣ,
 Онъ смотритъ, слушаетъ... звонокъ.
 Умолкъ — и все въ молчаньѣ.

Три сряду упира тоиъ же сонъ!

Душа его въ волненъ!

„О что же ты, вызываешь онъ,

Прекрасное явленъ!

Куда зовешь, волшебный гласъ!

Кшо ты, пришлецъ священный?

Ахъ! гдѣ она? Увижу ль васъ?

И сердцу ошкровенный

Предѣль ошкроется ль очамъ?“...

Но щещно онъ очами

Лепиша къ далекимъ небесамъ...

Туманъ подъ небесами!

И цѣлый міръ его мечшой

Предъ нимъ одушевился!

Воспокъ ли свѣжею красой

Денницы зелошилъ—

Ему являлся тамъ покровъ

На образъ прелестномъ;

Дышаль ли запахомъ цвѣшовъ—

Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,

Спремленъ въ даль, любви тоска,

Томленіе разлуки,

И въ каждомъ шумѣ въперка

Звонка призывны звуки.

И онъ, невластный побѣдишь
 Могущаго спремленья,
 Къ отцу и къ машери просишь
 Идешь благословенья.
 „Куда? (печальная въ слезахъ
 Сказала машерь сыну)
 Въ чужихъ испытывашь спракахъ
 Невѣрную судьбину?
 Поспой! на родинѣ швоей
 Домъ отчій безопасный!
 Здѣсь сладостна любовь друзей,
 Здѣсь дѣвицы прекрасны!“

— Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ!
 Спокой себя, родная!
 Меня онъ васъ въ далекій свѣтъ
 Ведешь рука свяшая.
 И не задремлеть ни на часъ
 Хранишель постоянный!....
 Но гдѣ онъ? Чей я слышалъ гласъ?
 Кто вождь сей безымянный!
 Куда ведешь, какой спезей?
 Не знаю! и напрасень
 Въ незнаньи страхъ! живь спутникъ мой!
 Путь въры безопасень! —

Надѣвъ на сына крестъ златой,
 Отвѣстствуетъ родная:
 „Прости! да будешь надъ тобой
 Его любовь свящая!“
 Снимаетъ со стѣны опець
 Свои доспѣхи ратны:
 „Прости! вошь мечъ мой кладенець,
 Мой щитъ и шлемъ булашный!“
 Сынъ въ землю матери, ошцу;
 Цѣлуешь образъ; плачешь;
 Конь борзый подведенъ къ крыльцу;
 Онъ сѣлъ, онъ крикнулъ, скачешь!....

И пыльный по дорогѣ слѣдъ
 Поднялъ конь быстроногой;
 Но вошь уже и слѣду нѣтъ!
 И пыль слилась съ дорогой!...
 Вдохнулъ опець; со вздохомъ мать
 Пошла въ свою свѣтилицу!
 Ей долго ночь въ слезахъ встрѣчать,
 Въ слезахъ встрѣчать денницу;
 Передъ Владычицей зажгла
 Съ моливною лампаду:
 „Что бы ему покровъ была,
 Чтобъ ей дала опраду.“

Вошь на распутии Вадингъ!
 Весь міръ неизмѣримый
 Ему открытъ; за нимъ, предъ нимъ
 Поля необозримы;
 Въ чужбинѣ онъ; въ желанный край
 Невѣдома дорога.
 „Чую жь мѣдлишь? вѣрь — не выбирай!
 Впередъ! во имя Бога!
 Куда, и какъ привесъ меня,
 То вождь мой знаетъ боля!“
 Такъ онъ подумалъ, и коня
 Пусшилъ бѣжашъ по волѣ.

И добрый конь, какъ будто самъ
 Свою дорогу знаетъ:
 Онъ все на югъ! онъ по полямъ
 Пушъ новый пробиваетъ!
 Пошокъ ли встрѣшилъ — и въ пошокъ!
 Лишь только пѣна прыщетъ!
 Ко рву ль примчипся — разомъ скокъ!
 Лишь только воздухъ свищетъ!
 Заглохъ ли лѣсъ — съ нимъ широка
 Дорога въ чащѣ лѣса!
 Утесъ ли крупъ — онъ сѣдока
 Спрѣлой на крупъ утеса!

Въгушь за днями дни; Вадимъ
     Все далѣ; конь послушный
 Не успаешь, и всюду имъ
     Въ пуши пріемъ радушный:
 Ко граду ль случай заведѣшь,
     Къ селу-ль, къ лачужкѣ ль дымной—
 Вездѣ пришельцу у ворошь
     Привѣшь госпепріимной!
 Вездѣ заботливо даюшь
     Хлѣбъ-соль на подкрѣпленіе
 На шемну ночь святой пріюшь,
     На пушь благословеніе!

Когда жь заспигнешь мракъ ночной
     Въ лѣсу, иль въ полѣ числомъ —
 Нашъ Виназь, щипъ подъ головой,
     Спишь на коврѣ росисномъ
 Благоуханной муравы;
     Надъ нимъ капась сіяюшь
 Ночныя звѣзды; вкругъ главы
     Младые сны лешаюшь,
 И конь, не дремля, спорожишь,
     И къ споронѣ той, мнишся,
 И звѣрь опасный не бѣжишь,
     И змѣй приползъ боишся.

И дни бѣгутъ — весна прошла,
 И соловьи опшѣли,
 И липа въ рощахъ зацвѣла,
 И нивы пожелтѣли.
 Вадимъ все далѣ! ужь предъ нимъ
 Широкой Днѣпръ сіяетъ;
 Онъ ѣдетъ берегомъ крупнымъ,
 И взоръ его лешаетъ
 Съ высотъ по злачнымъ берегамъ:
 Здѣсь видишь лугъ цвѣшущій,
 Тамъ злаповерхій городъ, шамъ
 Близъ водъ рыбачьи кущи.

Однажды — вечеръ знойный рдѣлъ
 На небѣ; лѣсъ дремучій
 Сквозь пламень зарева синѣлъ,
 И гроизовыя шучи
 Въ слѣдъ за багровою луной
 Съ воспока поднимались,
 И яркой молніи зміей
 Въ ихъ нѣдрѣ извивались —
 Вадимъ въѣзжаетъ въ темный лѣсъ;
 Тамъ все въ тѣни молчало;
 Лишь трепешаніе древесъ
 Грозу предвозвѣщало.

И дичь являлася кругомъ!

Чуть небеса сквозь сѣни
Свѣшили гаснущимъ лучёмъ,

И дерева, какъ тѣни,
Мелькали въ безднѣ темноты
Съ разверстыми вѣшьями!

Вадимъ впередъ — хрустящъ кусты,
Подъ конскими ногами;

Вездѣ плетень изъ сучьевъ имъ
Дорогу задвигаетъ...

Но ихъ мечемъ крушитъ Вадимъ
Конь грудью разрываетъ.

И ѣдетъ онъ ужъ цѣлой часъ;

Вдругъ — жалобные крики!
То нѣжный и молящій гласъ,

То яросный и дикій!
Зажглась въ немъ кровь, на вопли онъ
Сквозь чащу вѣшвей рвется;

Конь пышетъ, лѣсъ прещитъ и сномъ
Все ближе раздаётся;

И вдругъ предъ нимъ въ дичи глухой,
Какъ будто изъ тумана,

Чуть освѣщенная луной
Открылася поляна.

И чтожь у Випизя въ глазахъ?

Шумя между кустами,
Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Съ дубиной за плечами,

Огромный великанъ бѣжитъ,

И на рукахъ могучихъ

Красавицу младую мчитъ;

Она, въ слезахъ горючихъ,

То силился бороться съ нимъ,

То скорбно вопить къ Богу!

„Спой!“ крикнулъ хищнику Вадимъ

И заелонилъ дорогу.

Ни слова шло на грозну рѣчь?

Какъ бышенный опирянуль,

Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,

Взмахнуль, въ Вадима грянуль,

И очи вспыхнули, какъ жарь!

Конь легкий оппашнулся!

Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,

И дубъ, преща, согнулся!

Вадимъ всею силою меча

Ударилъ въ исполина —

Рука оппала отъ плеча,

И въ прахъ легла дубина.

И хищникъ, рухнувъ, захриѣла
     Подъ конскими ногами,
 Рванулся вспашь, оцѣпенѣлъ,
     И спихъ, грозя очами;
 И смерть молчаньемъ заперла
     Уста, вопить опроверзшы;
 И, роя землю, замерла
     Рука, разинуя персты.
 Слѣшипъ къ похищенной Вадимъ,
     Она, какъ лисъ, дрожала,
 И, сѣвши на коня за нимъ,
     Въ слезахъ къ нему припала.

„Скажи мнѣ, дѣвица, кто ты?
     Кто буйный оскорбилъ
 Твоей дѣвичей красоты?
     И гдѣ швоя обилъ?“
 — Князь Кіевскій родилъ мой!
     Градъ Кіевъ не далѣко!
 Проѣдимъ скоро лѣсъ густой,
     Увидимъ брегъ высокой:
 Подъ брегомъ шѣмъ кипятъ, шумятъ
     Въ скалахъ струи Днѣпровы,
 На брегъ шомъ и Кіевъ градъ
     Позолоченны кровы.

— Я памѣ дни мирныя вела,
 Не знаясь съ кручивой,
 И въ спаросни опцу была
 Ушѣхою единой.
 Не въ добрый часъ Липовскій Князь,
 Врагъ церкви православной,
 Меня узрѣлъ и, распалясь
 Душою зѣвронравной,
 Послалъ къ намъ въ Кіевъ-градъ гонца,
 Чшобъ, шайною рукою
 Меня похищивъ у опца,
 Умчалъ въ Липву съ собою.

— Онъ скрылся на Днѣпръ-рѣкѣ
 Въ лѣсномъ уединеньи,
 Ошъ Кіева невдалекъ;
 О дерзкомъ замыслѣннѣ
 Никшо и сонный не мечшалъ;
 Губитель не вспрѣчался
 Въ лѣсу ни съ кѣмъ; какъ волкъ, онъ ждалъ
 Добычи и — дождался!
 А нынѣ раннею порой
 Въ лугъ вышла, полевые
 Сбирая цвѣтки; пошли со мной
 Подружки молодыя.

— Мы росу брали на цвѣсахъ,
 Росою умывались,
 И рвали ягоды въ кустахъ,
 И громко окликались.
 Ужь солнце жгло съ полунебесъ;
 Я шла одна; куспами
 Вилась дорожка; темный лѣсъ
 Чернѣлъ передъ глазами.
 Вдругъ шумъ! смошрю .... злодѣй за мной!
 Спрахъ подкосилъ мнѣ ноги!
 Онъ сильною меня рукой
 Схватилъ — и въ лѣсъ съ дороги!

— Ахъ! чѣмъ въ удѣлъ досталось мнѣ,
 Чѣмъ было бы со мною,
 Когдабъ не ты? Въ чужой спранѣ
 Изнылабъ сиротою!
 Онъ милыхъ ближнихъ въ далекѣ
 Живешь ли сердцу радость?
 И въ безушѣшной бы поскѣ
 Моя увяла младость!
 И съ горемъ дряхлый мой отецъ
 Повлекся бы ко гробу!..
 Но слабость защитилъ Творецъ,
 Сразилъ Всевышній злобу.—

Межъ тѣмъ съ поляны въ гущину
     Вьѣзжаетъ вишнязь; шучи,
 Сгустясь, заволокли луну;
     Спаль душень лѣсъ дремучій....
 Гроза собиралась! межъ лисовъ
     Дождь крупный пробивался,
 И гуль тяжелыхъ облаковъ
     Съ ихъ роношомъ мѣшался!..
 Вдругъ вихорь набѣжалъ на лѣсъ,
     И взрылъ деревъ вершины,
 И загорѣлися небесъ
     Кипящія пучины.

И все взревѣло... дождь рѣкой!
     Громъ спрашнй! прескъ за прескомъ!
 И шумъ воды! и вихря вой!
     И поминушимъ блескомъ
 Воспламеняющійся лѣсъ!
     И вспрѣчу, съ права, съ лѣва
 Ряды валящихся древесъ!..
     Конь рвется; въ страхъ дѣва;
 И, заслонивъ ее щипомъ,
     Вадимъ смященный ищетъ
 Гдѣбъ приюпишься... по кругомъ
     Все дичь! и буря свищетъ!

И вдругъ ужъ нѣтъ дороги имъ!
 Спѣна изъ камней мѣсистыхъ!
 Громъ мчался по бокамъ крутымъ;
 Въ разсѣлинахъ лѣсистыхъ
 Спираясь, вихорь бушевалъ,
 И молніи горѣли,
 И въ безднѣ бури груды скалъ
 Сверкали и гремѣли.
 Вадимъ назадъ... но вдругъ ударъ!
 Ель, преснувъ, запылала;
 По вѣтвямъ пробѣжалъ пожаръ;
 Окрестность заблестала.

И въ заревѣ открылась имъ
 Пещера подъ скалою.
 Спѣшивъ къ убѣжищу Вадимъ;
 Заботливой рукою
 Онъ снялъ соопушницу съ коня,
 Сложилъ съ рамень колчугу,
 Зажегъ костеръ, и близъ огня,
 Взявъ на руки подругу,
 На броню сѣлъ. Дымясь сверкала
 Въ костръ огонь прескучій;
 Поверхъ пещеры громъ лепалъ
 И бушевали шучи!

И прислонивъ къ груди своей
     Вадимъ Княжну младую,
 Изъ золотыхъ ея кудрей
     Жаль влагу дождевую;
 И къ персямъ дѣвственнымъ уша
     Прижавъ, ихъ грѣль дыханьемъ;
 И въ нихъ вливалась шеплоша;
     И съ шихимъ пренешаньемъ
 Онѣ касались ушамъ;
     И дѣвица молчала;
 И къ юноши прильнувъ плечамъ,
     Рука ея пылала.

Лазурны очи опушя,
     Въ объятіяхъ Вадима,
 Она, какъ спихое диша,
     Лежала недвижима;
 И что съ невинною душой
     Сбылось — не постигала;
 Лишь сердце билось, и порой,
     Вся вспыхнувъ, пренешала;
 Лишь пламень гаснущій сіялъ
     Сквозь шѣвъ рѣсницъ склоненныхъ,
 И вздохъ невольный выделялъ
     Изъ устъ воспламенныхъ.

А випись? .... чпо съ его душой?...

Увы! сихъ взоровъ сладость,
Сихъ чистыхъ, подъ его рукой
Горящихъ персей младость,
И мягкій шелкъ кудрей густыхъ,
По раменамъ разлпныхъ,
И свѣжій блескъ ланихъ младыхъ,
И успъ полуоткрытыхъ
Палящій жаръ, и шпхой гласъ,
И милое смяпенье,
И ночи таинственный часъ,
И вокругъ уединенье —

Все чувствва разжигало въ немъ!..

О власи очарованья!
Уже, исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его усна горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рѣли;
И все ... но вдругъ опирянуль онъ
И въ радостномъ волненн
Запренешаль!.. знакомый звонъ
Раздался въ опдаленн!

И долго, жалобно звѣнѣлъ
     Онъ въ безднѣ поднебесной;
 И кшо-то, чудилось, лешѣлъ
     Незримый, но извѣспной;
 И взоръ, исполненный тоской,
     Мелькалъ сквозь покрывало;
 И подъ воздушной пеленой
     Печальное вздыхало...
 Но вдругъ сильнѣй попрысся лѣсъ,
     И небо зашумѣло!..
 Вадимъ взглянулъ — призракъ исчезъ,
     А въ вышинѣ..... звѣнѣло!

И въ слѣдъ за милою мечтой
     Душа его спремится;
 Уже, подернувшись золой,
     Едва, едва курился
 Въ костръ огонь; на небесахъ
     Нѣтъ шучъ, не слышно рева;
 Небрежно на его рукахъ,
     Припавъ къ нимъ грудью, дѣва
 Младенческій вкушаетъ сонъ,
     И тихо, тихо дышетъ;
 И близко ужъ разсвѣтъ; а онъ
     Не видитъ и не слышитъ.

Спалъ вѣяшъ свѣжій вѣшерокъ,
 Взошла звѣзда денницы,
 И обогрѣялся востокъ,
 И пробудились пшцы;
 Копытомъ топнувъ, конь заржалъ!
 Вадимъ очнулся — ясно
 Все было вокругъ; но сонъ смыкалъ
 Глаза Княжны прекрасной;
 Къ ней тихо прикоснулся онъ;
 Вдохнувъ, она одѣла
 Бласами грудь сквозь тонкій сонъ,
 Взглянула — покрасѣла.

И вишазъ въ племѣ и бронтъ
 Изъ-подъ скалы съ Княжною
 Выходить. Солнце въ вышинѣ
 Горѣло; подъ горою
 Сіяя, тѣну разспилалъ
 По камнямъ Дявиръ широкой;
 И лѣсъ кругомъ благоухалъ;
 И благовѣсть далёкой
 Былъ слышенъ. На коня Вадимъ,
 Перекрестясь, сажая;
 Княжна по прежнему за нимъ;
 И конь вдоль берега мчишся.

Вдругъ путь широкій межъ деревьевъ!

Ихъ чаща раздалася,

И въ голубой дали небесъ,

Какъ звѣздочка, зажглася

Глава Печерская съ крестомъ.

Конь скачетъ быстрымъ скокомъ!

Ужъ въ градъ онъ! ужъ предъ дворцомъ!

И видящъ: на высокомъ

Крыльцѣ великій Князь стоить;

Въ очахъ его кручина;

Передъ крыльцомъ народъ кипитъ

И строится дружина.

И смѣлыхъ вызываетъ онъ

Въ погоню за Княжною,

И избавителю свой пронъ

Сулитъ съ ея рукою.

Но шопотъ слышенъ въ шишихъ;

Густая пыль клубится;

И видящъ, съ дѣвой на конѣ

Красивый всадникъ мчится.

Народъ ошлынуль, какъ волна;

Дружина разсунулась;

И на рукахъ ошца Княжна

При кликахъ очутилась.

Обнявъ Вадима, Князь сказалъ:

„Я не нарушу слова!
Въ тебѣ Господь мнѣ сына далъ
Замѣною роднова.
Я спарь; будь хилыхъ спарца дней
Опорой и усладой;
А смѣлой доблести твоей
Будь дочь моя наградой!
Когдажъ наступишь мой конецъ,
Тогда мою державу
И свѣшлый Княжескій вѣнецъ
Наслѣдуи въ честь и славу.“

И громко, громко раздалось
Дружныя восклицанье!
И зашумѣло, полилось
По граду ликованье!
Богатый пирь на весь народъ!
Весь городъ изукрашенъ;
Кипишь въ заздравныхъ кружкахъ мѣдъ;
Сшолы шрещашъ опъ брашенъ;
Поюшь пѣвцы; колокола
Гудящъ, не умолкая;
И опъ огней потѣшныхъ мгла
Зарѣлася ночная.

Веселье веѣмъ! одинъ Вадимъ
     Не весель — мысль далёко!
 Сердечной думою помимъ,
     Безмолвень, одинокой,
 Ни пѣсень, ни привѣновъ онъ
     Не внемлеть, равнодушный;
 Онъ спустишь шагъ — и слышишь звонъ;
     Подымешь взоръ — воздушный
 Призракъ лещаешь передъ нимъ
     Въ знакомомъ покрывалъ;
 Приклонишь слухъ — швердашь: Вадимъ!
     Не забывайся! даль!

Идешь къ Днѣпровымъ берегамъ
     Онъ тихими шагами,
 И, смущень, взоръ склонилъ къ водамъ....
     Небесная съ звѣздами
 Была въ нихъ швердь отражена;
     Вдали, прошивъ закаша,
 Выходила полная луна!
     Вадимъ глядишь, ... межъ злаша
 Осыпанныхъ луною волнь
     Какъ будно бы чертѣшь,
 Въ зыбяхъ ныряя, легкій чолнь,
     За нимъ струя бѣлѣшь.

Глядишь Вадимъ... челнокъ плывесть...

Нашпануно въшило!

Но безъ гребца весло гребешь!

Безъ кормщика кормило!

Вадимъ къ нему... къ Вадиму онъ...

Садися... челнъ помчалю!

И вдругъ... какъ будто съ юга звонъ!

И вдругъ... все замолчало!

Плывесть челнокъ; Вадимъ глядишь;

Сверкая волны плещушь;

Лѣсисный брегъ назадъ бѣжишь;

Ночныя звѣзды блещушь.

Быстрѣй, быстрѣй въ рѣкѣ волна!

Челнокъ быстрѣй, быстрѣе!

Свѣшлѣе на небѣ луна!

На брегѣ лѣсъ темнѣе!

И далѣ, далѣ... все кругомъ

Молчишь! какъ великаны,

Скалы нагнулись надъ Днѣпромъ;

И, черенъ, сквозь шуманы

Глядишь въ рѣку тихій лѣсъ

Съ утѣсистой стремнины;

И ужъ луна почти небесъ

Дошла до половины.

Сидишь, задумавшись, Вадимъ!

Варугъ... что-то пролетѣло!

И облачко луны, какъ дымъ

Невидимый, одѣло;

Луна посмеркла; по волнамъ,

По тихимъ сѣнямъ лѣса,

По брегу, по крупнымъ скаламъ

Раскинулась завѣса;

Шашнуль въприломъ въперокъ,

И руль зашевелился,

Ко брегу повернулъ челнокъ,

Доплылъ, останоуился.

Вадимъ на брегъ; отъ берега чолнъ;

Въприло заиграло;

И вдругъ вдали, съ зыбями волнъ

Смѣшавшись, все пропало.

Въ недоумѣнн Вадимъ!

Кругомъ скалы, какъ тучи;

Безмолвенъ, дикъ, необозримъ,

По камнямъ боръ дремучій

Съ рѣки до берега вышины

Восходитъ ; все въ молчанъѣ!

И тускло падаетъ луны

На иглу вершинъ сѣниѣ.

И шихо по скаламъ крупымъ,
 Влекомый пайной силой,
 На верхъ взбираешся Вадимъ.
 Онъ смотришь — все уныло!
 Какъ прупы, сосны подъ правой
 Обрушенныя плѣютъ;
 На сучьяхъ мохъ виситъ сѣдой;
 Разинувшись, чернѣютъ
 Разсѣлины дуплистыхъ пней,
 И въ нихъ глазами блещетъ
 Сова, иль чешуями змѣй
 Ворочаясь шрепещетъ

И мнилъся жизни въ той странѣ
 Онь вѣка не бывало;
 Какъ бы съ созданья въ мершвомъ снѣ
 Древа и не смущало
 Ихъ сна ничто, ни вѣшерка
 Передъ денницей шопотъ,
 Ни легкій шорохъ мотылька,
 Ни вѣтря шажкой шопотъ.
 Уже Вадимъ на вышинѣ;
 Варугъ боръ рѣдѣетъ тѣмной;
 Раздвинулся... и при лунѣ
 Явился холмъ огромной.

И на вершинѣ древній храмъ:
 Блещущими крестами
 Увѣнчаны главы; къ дверямъ
 Тяжелыми винтами
 Огромный пригвожденъ запворъ;
 Вкругъ храма переходы,
 Столбы, обрушенный заборъ,
 Распреснутые своды
 Трапезы, келій рядъ пустыхъ,
 И всюду по колѣни
 Полынъ, и длинныя опъ нихъ
 По скашу холма пѣни.

Вадимъ подходилъ: не вдали
 Могильный видѣнь камень,
 Крестъ наклонился до земли,
 И легкій, блѣдный пламень,
 Какъ свѣчка шеплился надъ нимъ,
 И воронъ - ппица ночи
 На немъ, какъ призракъ, недвижимъ
 Сидилъ, унылы очи
 Вперивъ на мѣсяцъ. Вдругъ, крыломъ
 Взмахнувъ, онъ пробудился,
 Взвился и на небѣ пущомъ,
 Три крапы крикнувъ, скрылся.

Объялъ Вадима шайный спиракъ;
 Глядишь въ недоуменьѣ;
 И дивное погда въ глазахъ
 Вадимовыхъ явленье!
 Онъ видишь: нѣкто приподнялъ
 Иссохшими руками
 Могильный камень; блѣдень вспалъ;
 Туманными очами
 Блеснуль, возвелъ ихъ къ небесамъ,
 Какъ будшобы моляся;
 Пошелъ; спучашься началъ въ храмъ....
 Но дверь не ошперлася.

Вздохнувъ, повлекся далѣ онъ!
 И шихой подѣ спопами
 Былъ слышенъ шумъ, и долго, спонъ
 Пуская, межъ спѣнами,
 Между обломками сполбовъ,
 Какъ блѣдный дымъ, мелькала
 Бредуща тѣнь... вдругъ межъ кусшоеъ
 Вдали она пропала!
 Тамъ боромъ покровень ушесь
 Вздымался, крупъ и спирашень,
 И при лунѣ изъ-за деревъ
 Являлись кровы башень.

Вадимъ шуда: уединень,
     На грудѣ скаль мохнапыхъ,
 Надъ чернымъ боромъ, обнесенъ
     Оградой спѣвъ зубчавыхъ,
 Стоишь памъ замокъ, пихъ, какъ сна
     Безмолвное жилище,
 И вся окресить его спрана
     Угрюма, какъ кладбище;
 И башни по угламъ спояшь,
     Какъ призраки сѣдые,
 И сгромоздилися у вранъ
     Скалы спорожевыя.

Душа Вадимова полна
     Смященнымъ ожиданьемъ —
 И свѣтитъ сумрачнымъ луна
     Сквозь облако сіяньемъ.
 Но вдругъ....слешѣль съ луны шуманъ,
     И боръ засеребрился,
 И замокъ весь, какъ великанъ,
     Надъ боромъ освѣтился,
 И ошъ востока въперокъ
     Подуль передразвѣшный,
 И чу!..... изъ-за спѣвы звонокъ
     Послышался привѣшный.

И чтожь онъ видишь? По стѣнѣ,
 Какъ тѣнь уединенна,
 Съ воспочной къ западной спранѣ,
 Туманнымъ облеченна
 Покровомъ, дѣвица идешь;
 На вспрѣчу къ ней другая;
 И та, приближась, подаешь
 Ей руку и, вздыхая,
 Пушь одинокій вдоль стѣны
 На западъ продолжаешь;
 Другаяжъ, къ замку съ вышины
 Спустившись, исчезаешь.

И за идущею во слѣдъ
 Вадимъ лепишь очами?
 Ужь, ясенъ, молодой разсвѣтъ
 Вспаешь межъ облаками;
 Ужь загораешся воспокъ..
 Она всё далѣ, далѣ!
 И тихо ранній вѣшеровъ
 Играешь въ покрывалѣ!
 Идешь — глаза опущены,
 Глава на грудь склонилась —
 Пришла на поворотъ стѣны;
 Поворошила; скрылась.

Стоишь, какъ вкопанный, Вадимъ,
 Душа въ немъ замираетъ:
 Какъ будно ликъ свой передъ ницъ
 Судьба разоблачаетъ!
 Блѣднѣ пусклая луна!
 Свѣплѣй воспокъ багровый!
 И озаряетъ стѣна,
 И ярко блещутъ кровы!
 Къ воспочной обращаь спранъ,
 Ждешь вишязь .... вдругъ вспылала
 Въ немъ кровь... глядишь .... шамъ на стѣнѣ
 Идущая предстала.

Идешь; на темный смотритъ боръ;
 Какъ будно ждешь въ волненьѣ,
 Какъ бы чего-то ищешь взоръ
 Въ пуспынномъ опдаленьѣ!
 Вдругъ солнце въ пламени лучей
 На краѣ неба спало...
 И вишязь въ блескъ передъ ней!
 Какъ облакъ, покрывало
 Слѣшло съ юнаго чела —
 Ихъ встрѣпились взоры!
 И пала опъ ворошъ скала!
 И раздались ихъ створы!

Спремится на ограду онъ!

Идесть она съ ограды!

Сошлись!..... о вѣщій, вѣрный сонъ!

О часъ святой награды!

Свершилось! все — и равнихъ лѣтъ

Прекрасныя желанья,

И озаряющія свѣтъ

Младой души мечтанья,

И все, чего мы здѣсь не зримъ,

Что вѣрь лишь открыто —

Все вдругъ явилось передъ нимъ,

Въ единый образъ слило!

Глядящъ на небо; слезы льютъ;

Воспоргомъ словъ лишены!...

И вдругъ ошъ перема идутъ

Къ нимъ дѣвы пробужденны:

Какъ звѣзды блещутъ очеса!

На ясныхъ лицахъ радость,

И изкупленія краса,

И новой жизни младость!

О! сладкій воскресенья часъ!

Имъ мнилось: міръ раждался!

Вдругъ.... звучно благовѣста гласъ.

Въ пиши небесъ раздался.

И чпожь? Храмъ Божій опворень!
 Тамъ слышнися моленъе!
 Они шуда: храмъ освѣщенъ;
 Въ кадильницахъ куренья;
 Передъ Угодникомъ горипъ,
 Какъ въ древни дни, лампада,
 И благодѣшное бѣжипъ
 Сіянiе опъ взгляда;
 И нѣкто, свѣшель, въ алшарѣ
 Просперпъ передъ Поширомъ,
 И возглашаенся горѣ
 Хвала незримымъ клиромъ.

Молясь, съ подругой спалъ Вадимъ
 Предъ Царскими дверями,
 И вдругъ...: свяшой налой предъ нимъ!
 Главы ихъ подъ вѣнцами;
 Въ рукахъ свѣщи воспалены;
 И кольца обручальны
 На персты ихъ возложены;
 И слышенъ гимнъ вѣнчальный!...
 И вдругъ... все шихо! гимнъ молчинъ;
 Безмолвны своды храма;
 Одинъ лишь, таинешвенъ, блесшипъ
 Алшаръ средъ еиміама.

И въ семь молчаньи кпо-шо къ нимъ

Привѣтный подлещаетъ,

Ихъ клитешь именемъ роднымъ,

Ихъ нѣжно ошзываетъ...

Куда же? — О священный видъ!..

Могила передъ ними!

И въ ней спокойно; дернь покрываетъ

Цвѣтами молодыми;

И дышетъ въщерокъ окрестъ,

Какъ духъ безплотный вѣдъ;

И обвиваетъ свѣшлый крестъ

Прекрасная лилея.

Они простерлись ницъ въ слезахъ:

Ихъ сердце вѣсни ждало,

И пренетомъ священный прахъ

Могила вопрошало....

И было всё для нихъ опвѣтъ!

И холмъ помолодѣлый,

И луга обновленный цвѣтъ,

И бѣгъ рѣки веселый,

И воскрешенны древеса

Съ вершинами живыми,

И, какъ бесмерные, небеса

Спокойныя надъ ними!.....

Прочтались вѣки вслѣдъ вѣкамъ!...

Гдѣ замокъ? гдѣ обитель?

Гдѣ чудомъ освященный храмъ?...

Все скрылось!... лишь, хранишель

Давноминувшаго, живёшь

На прахѣ ихъ Преданье!...

Есть мѣсто.... тамъ игривыхъ водъ

Плѣнительно сверканье;

Тамъ вѣчно зеленъ пышный лѣсъ;

Тамъ сладокъ вѣпра шопотъ

И съ шихимъ говоромъ древесъ

Волны сліянный ропотъ.

На мѣстѣ ономъ — такъ гласитъ

Правдивое Преданье —

Былъ пепелъ инокинь сокрытъ:

Въ поспѣ и покаяньѣ

При гробѣ грѣшника-опица

Онъ кончины ждалъ,

И примиреннаго Творца

Въ молитвахъ прославляли...

И улетила къ небесамъ

Съ земли ихъ жизнь свяпалъ,

Какъ улешаетъ еяміамъ

Съ кадилъ, благоухалъ.

На мѣстѣ ономъ, въ свѣтлый часъ
 Земли преображенья —
 Когда, слышаеъ Упра гласъ,
 Съ звѣздою пробужденья,
 Воспока Ангелъ въ пишинѣ
 На край небесъ взлешаетъ
 И по шуманной вышинѣ
 Зарю разпросшираетъ,
 Когда и холмъ и лугъ и лѣсъ
 Все оживленнымъ зрится
 И предъ святилищемъ небесъ,
 Какъ жертва, все дышитъ —

Бывають шайны чудеса,
 Невиданныя взоромъ:
 Ошпельницъ слышны голоса!
 Горъ хвалебнымъ хоромъ
 Поютъ..... сквозь занавѣсъ зари
 Влиспаеъ крестъ; сліяны
 Изъ свѣта зряся алтари;
 И яркими вѣчаны
 Звѣздами, дѣвы предспоятъ
 Съ молитвой ихъ сияныѣ,
 И серафимовъ нмы кипятъ
 Въ пылающей нучинѣ.
